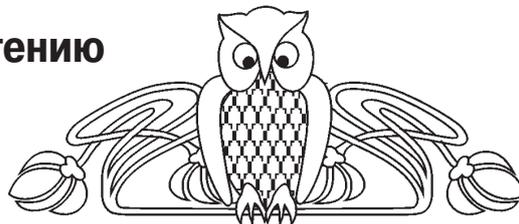




Научная статья
УДК 340.122:340.5
<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-106-114>

Идея права на сопротивление угнетению в восточной политико-правовой и религиозной мысли



Н. Д. Строгов

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9
Строгов Никита Дмитриевич, аспирант кафедры теории и истории государства и права, strogovofficial@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7345-073X>

Аннотация. Введение. Триумф либеральной демократии в развитых странах не снизил протестную активность граждан и подданных, революции и восстания остаются явлением современности. Актуальным становится вопрос об определении сущности и механизма реализации права на сопротивление угнетению (права на сопротивление правонарушающей власти, права на восстание, права на революцию, *iusresistendi*), что также требует исторического анализа отдельных учений восточной политико-правовой и религиозной мысли. **Теоретический анализ.** Выявлено, что учение о праве на сопротивление угнетению не является заслугой исключительно западных юристов и философов. Значительный вклад в развитие идеи *iusresistendi* внесли представители китайской философской и исламской религиозной мысли. Сделан вывод об отсутствии значительного вклада правоведов стран Африки в определение сущности права на сопротивление угнетению в связи с историческими особенностями развития региона. **Эмпирический анализ.** Проведен сравнительный анализ политико-правовых, религиозных учений и правовой базы нескольких стран, что позволяет в будущем решить вопрос о возможности формулирования в нормативных актах и международных документах критериев легитимации форм сопротивления угнетению и механизма их реализации. **Результаты.** Идея о праве на сопротивление угнетению нашла полное отражение в восточной политико-правовой и религиозной мысли, что говорит о самостоятельности и самодостаточности последней. Выявлены сущность указанного права в понимании философов, правоведов и авторов документов международного права, критерии легитимации сопротивления, его цель и формы реализации, ряд дискуссионных вопросов относительно права на сопротивление угнетению.

Ключевые слова: право на сопротивление, право на восстание, *iusresistendi*, естественное право, восточная мысль, китайская мысль, исламское право

Для цитирования: Строгов Н. Д. Идея права на сопротивление угнетению в восточной политико-правовой и религиозной мысли // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 1, вып. 1. С. 106–114. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-106-114>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-106-114>

The idea of the right of resistance to oppression in the Eastern political, legal and religious thought

Nikita D. Strogov, strogovofficial@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7345-073X>

Saint Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia

Abstract. Introduction. The triumph of liberal democracy in developed countries did not reduce the protest activity of citizens, revolutions and uprisings are still a phenomenon of modern time. The issue of the essence and mechanism of exercising the right of resistance (right of rebellion, right of revolution, *iusresistendi*) is becoming relevant, which also requires a historical analysis of Eastern political, legal and religious thought. **Theoretical analysis.** The author found out that the doctrine of the right of resistance is not the concept developed exclusively by Western lawyers and philosophers. Representatives of Chinese philosophical and Islamic religious thought made a significant contribution to the development of the idea of *iusresistendi*. The author concludes that there is no significant contribution of legal scholars from African countries in defining the essence of the right of resistance. **Empirical analysis.** The author conducted a comparative analysis of the teachings and legislation of several countries, which allows to solve the issue of the possibility of recognising criteria for legitimizing forms of resistance to oppression and the mechanism for their existing by acts and international



documents in the future. **Results.** The idea of the right to resist oppression is fully reflected in Eastern political, legal and religious thought, which means its independence and self-sufficiency. The author revealed the essence of this right formulated by philosophers, jurists and authors of international law documents, the criteria for legitimizing resistance.

Keywords: right of resistance, right of rebellion, *ius resistendi*, natural law, Eastern thought, Chinese thought, Islamic law

For citation: Strogov N. D. The idea of the right of resistance to oppression in the Eastern political, legal and religious thought. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 106–114 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-106-114>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Введение

Несмотря на немногочисленность комплексных исследований, посвященных праву на сопротивление угнетению (иначе – праву на восстание, праву на революцию, *ius resistendi* [1]), представляется возможным осуществить реконструкцию развития самой идеи указанного права.

Правоведы, как правило, основное внимание уделяют политико-правовым учениям Запада. В самом деле, в рамках западной традиции (в первую очередь западноевропейской) сформулированы ключевые идеи права на сопротивление угнетению. Именно здесь было развито популярное среди юристов-теоретиков положение, что названное право относится к разряду неотчуждаемых естественных, не нуждающихся в позитивации для подтверждения существования и реального действия. При изучении трактатов известных философов, от Аристотеля до Ж.-Ж. Руссо, прослеживается эволюция идеи сопротивления: от необходимой обороны к полноценному праву; от негативных нравственных оценок до позитивных с использованием правовых категорий; от коллективного права к индивидуальному; от правомочия к священной обязанности [2].

В сложившихся условиях складывается неверное представление, будто разработка идеи права на сопротивление угнетению является заслугой исключительно западных философов и правоведов. Очевидно, подобный подход лишает возможности осмыслить содержание указанного права в полной мере.

Обращение к учениям некоторых восточных философов вносит ценный вклад в понимание права на сопротивление угнетению на разных этапах его развития с учетом пространственно-географической специфики.

Теоретический анализ

«Мандат неба» в китайской политико-правовой мысли. Как и в западной правовой мысли, искать корни идеи сопротивления угнетению также следует в древности.

Так, философ Мо-цзы (ок. 475–399 гг. до н.э.), сторонник консеквенциализма, упоминает значимость послушания народа, но эту покорность он связывает вовсе не с фигурой монарха. «Будь осторожен. Обязательно делай то, что желают Небеса, и избегай того, к чему Небеса питают отвращение» [3], – наставляет философ. По его словам, Небеса желают праведности, без которой мир был бы беспорядочным, а стандарт праведности устанавливают власть имущие по цепочке вверх вплоть до императора. Но даже он формулирует правила не по собственному желанию, а по воле Небес.

Мо-цзы пишет: «Когда император сделал добро, Небеса вознаграждают его. Когда император совершил зло, Небеса наказывают его. Когда император несправедлив в постановлении наград и наказаний и не рассудителен при рассмотрении судебных дел, Небеса посещают его с болезнями и бедствиями» [4, р. 9]. По мнению философа, Небеса благороднее и мудрее императора, и все должны повиноваться их воле.

Как стоящий во главе социальной иерархии, монарх должен быть «самым доброжелательным человеком во всем под Небесами», а подданные обязаны «одобряя то, что сын» Небес одобряет. Однако если он ведет себя несправедливо, то монарха можно сменить. Философ упоминает царствование полубогородного императора Чжоу-синя (Ди Синя). Небеса возненавидели его правление, в результате чего «отцы и сыновья были рассеяны, их государство и семья разрушены, жертвенники почвы и зерна утрачены, и бедствие постигло их лично» [4, р. 10]. Именно тогда императора сверг У-ван, основатель государства и династии Чжоу.

Очевидно, что, согласно философу, речь идет не о народном бунте, а о перераспределении высших должностей между властью имущими группировками. В любом случае смещение императора одобряют Небеса и насылают беды несправедливым. Таким образом, взято за основу классическое положение, что право на восстание не абсолютно, может быть легитимно при условии, если правление несправедливо.



Другой китайский мыслитель, Мэн-цзы (372–289 гг. до н.э.), также известный как Мэн Кэ, в своем учении развивал идею, которая оставалась актуальной на протяжении всей истории политико-правовой мысли Китая вплоть до Мао Цзэдуна: необходимость управления государством во благо подданных, основанного на нестяжательстве и коллективной (патриархальной) идее [5].

Обоснование народного сопротивления в китайской мысли мы рассмотрим именно на примере трактата «Мэн-цзы». Так, философ задает вопросы: может ли правитель радоваться, когда «народ так желает его гибели, что даже готов погибнуть, хотя бы и вместе с ним» [6, с. 17]; может ли на посту главы страны находиться «человек, с нелицеприятностью относящийся к людям», народ которого страдает [6, с. 26]? Мыслитель сомневается, что правители, увлекающие свой народ в трясину, могут устоять против нападения [6, с. 20]; что те, кто отталкивает самонадеянностью добрых советников и окружает себя клеветниками и лицемерами, в итоге сохранит владение в порядке [6, с. 184]; что те, кто творит зло, могут остаться в живых [6, с. 54].

Как и Мо-Цзы, философ также приводит в пример полупоупендарного императора Чжоу-синя, который со временем превратился в деспота. Тот, по мнению Мэн-цзы, был губителем, злодеем, отщепенцем, поскольку губил справедливость по отношению к людям [6, с. 37]. Фактически философ оправдывает убийство императора – по той же логике, по которой Цицерон поощрял убийство Цезаря столетиями позже.

Обоснование сопротивления угнетению прослеживается у Мэн-цзы весьма отчетливо: «Когда в верхах в расчет не принимают путь к истине, тогда в низах нет законов, которые соблюдались бы <...>. Когда нарушит справедливость добропорядочный муж, тогда и подлец нарушит уголовный закон. Такое владение сохранилось бы только по счастливой случайности» [6, с. 103]. Любопытно, что Мэн-цзы сперва в своих оценках использует слово «подлец» с негативной окраской, однако далее приходит к коллективной категории субъекта (народ), лишенной личных нравственных оценок. Так, философ пишет, что «народ спасают только тем, что забирают его губителя» [6, с. 94], а того, кто чересчур сильно мучит свой народ, убивают свои же придворные, и владение гибнет; «не очень сильно – тогда будешь жить под постоянной угрозой покушения на твою жизнь, владение же твое будут урезывать соседи» [6, с. 104].

Таким образом, философ, очевидно, прибегает к нравственным категориям, его учение представляет собой наставление правителю. Во многом игнорирование правовых категорий следует связывать с духом времени, когда легизм еще не восторжествовал. Тем не менее мыслитель прямо упоминает категорию «закон», который преступает подданный в случае нарушения справедливости.

Говоря же о субъекте сопротивления угнетению, важно отметить, что Мэн-цзы толкует сопротивление преимущественно как коллективное, а не индивидуальное. Используются такие слова, как «народ», «подданные», «придворные». Анализ учения наводит на мысль, что инструментом реализации сопротивления угнетению у Мэн-цзы выступает скорее придворная элита, которая свергает своего правителя, либо враги из других владений. Недовольный же народ действительно приводит тирана к гибели, но не губит его напрямую, например в результате вооруженного восстания. Гнев подданных выступает скорее индикатором скорого свержения тирана.

Таким образом, Мо-цзы и Мэн-цзы во многом оформили учение о «мандате Неба». Отдельно отметим, что понимание Неба со временем частично меняется, однако в основе своей под Небом исследователи преимущественно понимают наставляющее верховное божество. Согласно доктрине, правящая династия фактически выполняет волю Неба и заслуживает его доверие до тех пор, пока правит (получает мандат на правление) [7]. Считается, что свержение правителей, стихийные и иные бедствия в стране говорят о том, что Небо больше не покровительствует власти. Отсюда и выходит, что народное восстание является проявлением воли Неба против недостойного правителя, если итогом стало свержение тирана.

В дальнейшем это учение развивали. Так, мыслитель конфуцианской традиции Сюнь-цзы (313–238 гг. до н.э.) упоминал, что убийство императора министрами связано с действиями самого императора (эту судьбу «правитель выбрал себе сам») [4, с. 16–20]. Таким образом, философ акцентирует внимание на основном условии легитимации бунта – правонарушающих действия властного аппарата управления.

Существовали и другие точки зрения. Например, неприятие восстания можно наблюдать в учении Хань Фэя-цзы (ок. 279–232 гг. до н.э.), легиста, обосновывающего тираническое правление, однако подобные воззрения являются менее традиционными для китайской политической мысли.



Важнейший средневековый свод конфуцианских учений «Сы Шу» подтверждает, что концепция мандата осталась значимой и спустя время: «Небом установленное преемство власти пало на тебя. <...> Если народ в пределах четырех морей будет испытывать лишения, то ты навечно лишишься благословения Неба» [8, с. 235].

Со временем концепция «мандата Неба» окончательно превратилась в способ легитимации государственных переворотов. Мятежникам не требовались иные доказательства власти, помимо успешности восстания [9, с. 614–618]. Представляется, что проанализированное учение оставалось актуальным на протяжении всей китайской истории, однако его основы в полной мере были заложены в древности, в связи с чем мы и акцентировали внимание на мыслителях того времени. Ведь известно, что Китай сохраняет древнюю традицию.

К вопросу о праве на сопротивление в контексте исламской религиозной мысли. Исследование исламской политико-правовой традиции наводит на мысль, что в различных школах и в разные времена давались неоднозначные оценки народных восстаний. В этом ключе китайские учения представляются более однородными и последовательными.

Мы согласны с британским исследователем Фахдом Гхофайли, который разделил представителей исламской мысли на несколько лагерей: тех, кто оправдывает восстания против тирании; тех, кто считает восстания допустимыми лишь в исключительных случаях; тех, кто отрицает подобное право за мятежниками [10].

Наиболее распространены учения богословов, выступающих за последнюю точку зрения. На наш взгляд, это во многом связано со священной фигурой правителя как проводника воли Аллаха. Коран создает жесткие рамки для недопущения сопротивления: «О вы, которые уверовали! Повинуйтесь Аллаху и повинуйтесь посланнику и обладателям власти среди вас (в том, что не является ослушанием Аллаха). Если же вы препираетесь о чем-нибудь, то верните это Аллаху [рассмотрите в Коране] и Посланнику [смотрите решение в Сунне], если вы (на самом деле) веруете в Аллаха и в Последний День [Суда]». Отдельно отмечается, что обращение к Корану лучше, чем спор, и прекраснее по итогу [11, с. 140].

Исламская мысль обширна и заслуживает отдельного большого исследования, поэтому здесь мы упомянем нескольких ярких представителей, допускающих реализацию сопро-

тивления угнетению. Именно в их учениях прослеживаются черты, присущие идее восстания в классическом ее варианте.

Исламский богослов Мухаммад аль-Бухари (810–870 гг.) составил суннитский сборник хадисов, который считается многими самой достоверной исламской книгой после Корана. Здесь прямо упоминается, что подчинение необходимо не всегда: «Нет послушания в злых делах, подчинение только в одобряемом (Аллахом)» [12, с. 224–225]. Сказанное упомянуто в ситуации, когда командир приказал солдатам войти в разведенный огонь, что пророк осудил, а потому дозволил не повиноваться. Подобное воззрение свидетельствует о том, что подчинение не может быть абсолютным. Однако религиозный деятель не раскрывает, до какой степени и в какой форме непослушание легитимно.

Богослов Ибн Хаджар Аль-Аскаляни (1372–1449 гг.) приводит поговорку, которую связывают с Али ибн Абу Талибом, двоюродным братом пророка Мухаммеда: «Если хариджит восстает против справедливого правителя, мусульмане должны сражаться с ними. Однако если хариджит восстает против несправедливого правителя, мусульмане не должны сражаться с ними, потому что в этой ситуации они могут иметь правовые основания для действий» [13, с. 127–128]. На основе этого Аль-Аскаляни считает возможной борьбу против несправедливого имама. Определенно, богослов не считает необходимым народное восстание, а скорее, допускает его. При этом предусмотрен механизм легитимации через невоспрепятствование со стороны верующих. В современных трактовках это можно было бы охарактеризовать как пассивную форму реализации права на сопротивление.

Известная иранская книга о нравственности «Бахр Аль-Фаваид» (анонимный персидский трактат сер. XII в.) содержит прямое указание на возможность восстания. Сперва автор приводит в пример заповеди пророка: «Будь послушен королю своему», «Соблюдай заповеди царей», «Тот, кто восстает против короля, является грешником». Однако затем излагается условие для народного сопротивления: если правитель «приказывает какое-то нечестие или что-то, что противоречит закону, можно восстать против него» [14, с. 120].

Вооруженное восстание, таким образом, оправдывалось некоторыми мыслителями, однако право на сопротивление угнетению может быть реализовано и в других формах, в том числе пассивных [15]. Так, известно, что влиятельный богослов Ахмад ибн Ханбаль (780–



855 г.) отказался подчиниться багдадскому халифу Абдуллаху аль-Мамуну, но не восстал против него открыто. Тем не менее, он использовал неподчинение воле государя и критику как способы реализации сопротивления, чем привлек немало сторонников [13].

В настоящее время право на сопротивление получило легальное закрепление в международных актах. Так, некоторые формы его реализации упоминает Всеобщая исламская декларация прав человека 1981 г. (ст. 2): «Каждый человек и все люди обладают неотъемлемым правом на свободу... и должны быть правоспособны в защите этого права всеми законными способами. Человек и все люди в целом в случае нарушения их права на свободу имеют право на легитимную поддержку других лиц в борьбе за их защиту» [16]. Любопытно, что дополненная Каирская декларация о правах человека в исламе 1990 г. такой нормы уже не содержит [17].

Национальные конституции исламских государств также не остались в стороне. Основной закон Ирана оправдывает революцию и борьбу с тиранией в преамбуле [18]. Из той же позиции исходит Конституция Алжира, выйдя за пределы декларативных норм: так, преданность идеям революции отражена в требованиях к посту президента [19].

Таким образом, право на сопротивление угнетению получило свое развитие в исламской мысли вплоть до закрепления в правовых актах. Идея оправдания народных восстаний здесь прошла неоднозначный путь, ведь религиозные нормы (в буквальном толковании) запрещают неповиновение монарху. Основной вклад в развитие идеи оправдания восстания внесли богословы, которые указали на несправедливое правление как критерий для легитимации сопротивления угнетению. Отметим, что богословы использовали расширительное толкование религиозных норм для оправдания бунта.

Современный исламский закон напрямую не называет преступниками субъектов восстания, но при этом признает террористические акты неправомерными в том смысле, что они могут привести к большому беспорядку в обществе, чем деятельность несправедливого правительства [20]. Таким образом, в первую очередь делается акцент на легитимирующей цели сопротивления, а не на средствах его реализации.

Отдельно отметим, что в исламской мысли получило развитие выделение пассивной формы реализации указанного права. На наш взгляд, подобная идея стала популярной также в связи со строгим следованием религиозному канону,

запрещающему открытое восстание. Западная политико-правовая мысль пришла к идее пассивного сопротивления гораздо позже.

Право на сопротивление угнетению как способ борьбы за независимость в свете африканской политико-правовой мысли. Представители политико-правовых учений стран Африки упоминают сопротивление угнетению преимущественно как способ оправдания борьбы против колониального гнета XX столетия, а также в связи с текущими современными демократическими процессами. При этом история сопротивления на континенте сравнительно молода, и наблюдается заметное влияние воззрений классических западных учений.

Исследователь эфиопского происхождения Фанту Черу выделяет несколько стадий сопротивления на территории Африки, а именно: 1) борьбу за независимость от колониального гнета; 2) опыт пост-независимости в развитии и государственном строительстве; 3) опыт, накопленный после 1980 г., в рыночных экономических реформах под «благоприятным» руководством МВФ и Всемирного банка; 4) опыт многопартийной демократии после 1990 г. Первые три этапа не принесли демократических прав гражданам и подданным, а под четвертым исследователь понимает «эксперимент», который до сих пор не принес позитивных изменений. Каждому этапу свойственны свои способы сопротивления: от революций до митингов [21, с. 268]. Последние относятся к мирной форме реализации сопротивления, что соответствует современным концепциям указанного права.

Поддержку сопротивления можно найти в трудах современных нигерийских исследователей Обиоры Чинеду Окафора и Басила Угочукву. Под «борьбой» против угнетения они понимают «процесс мобилизации и выражения противодействия влиянию власти на идентичность, интересы и потребности подчиненных групп» [22, с. 432]. Основной акцент авторы делают на легитимации сопротивления посредством обращения к высшим судебным органам, а также правозащитной деятельности активистов.

Остановимся на этом месте для небольшой ремарки. Нам не близок подход, согласно которому исследователи под «угнетением» также понимают наступление на права и свободы со стороны корпораций и частных лиц. Правонарушающий субъект сопротивления всегда обладает властными полномочиями. Исключением могут являться частные лица и организации, но в случае, если они становятся проводниками



государственной воли (правонарушающего публичного аппарата, действующего в условиях авторитарного или тоталитарного политического режима). Изложенная африканскими авторами позиция не совпадает с таким толкованием.

Продолжая исследование, отметим, что классическая идея права на сопротивление угнетению предполагает правомерность сопротивления независимо от способов легитимации в будущем, последние же выступают разве что гарантом стабильности новой власти. Акцент африканских исследователей на механизме реализации сопротивления, легитимации и ограничениях вполне адекватен современным трактовкам указанного права, связанным с недопущением абсолютизации и радикализации сопротивления.

В подобном русле размышляет и африканский исследователь Саид Аджумоби, который не только признает факт существования права, но и указывает на ограничения сопротивления угнетению. Так, отмечается, что восстание возможно, когда «уполномоченные институты, такие как комиссии по правам человека, средства массовой информации или другие, ослаблены, подкуплены или коррумпированы» [23, р. 15]. Фактически речь идет о классическом принципе права на сопротивление – принципе пропорциональности: к радикальным действиям следует прибегать, когда исчерпаны мирные и легальные способы сопротивления.

Проводниками идеи указанного права являются и составители международных документов на африканском континенте. Так, принятая в 1981 г. Африканская хартия прав человека и народов в ч. 2 ст. 20 упоминает, что «колониальные или угнетенные народы имеют право на освобождение от уз господства любыми средствами, признанными международным сообществом» [24].

Особенностью указанной нормы является то, что авторы подразделяют угнетение на внутреннее и внешнее. Под первым следует понимать борьбу с режимом (правонарушающим аппаратом) конкретной страны, а под вторым – объединение против внешнего врага (колониального захватчика).

Традиционно право на сопротивление угнетению подразумевает первый вариант. В этом плане Африканская хартия содержит новаторские нормы и дополняет содержание права на сопротивление. Разумеется, обусловлено это историческим контекстом, т. е. колониальным гнетом.

Вместе с тем составители Хартии исходили также из необходимости противодействия тира-

нии в постколониальных африканских режимах. Право на сопротивление угнетению получило позитивацию как ответ режимам императора Центральноафриканской Республики Жана Беделя Бокассы и Иди Амина в Уганде [25, р. 89].

По мнению исследователей, существование прогрессивной нормы в африканской хартии не получило легального продолжения. Ни один правозащитный механизм на континенте не содержит отсылки, что ст. 20 обеспечивает правовую основу для реализации права на сопротивление [25, р. 89].

Исключением могла бы стать Африканская хартия демократии, выборов и управления, принятая в 2007 г. Статья 24 упоминает, что межгосударственный орган Совет мира и безопасности может поддерживать конституционный порядок в отдельной стране, если в ней возникает ситуация, способная повлиять на демократические политические институциональные механизмы или законное осуществление власти [26]. На наш взгляд, эта норма не подразумевает поддержки права на сопротивление угнетению, потому что его субъектом в классическом понимании выступает народ либо индивид. Вмешательство иностранных государств или межгосударственных объединений не может идти под эгидой права на сопротивление угнетению: оно лишь способно легитимировать восстание и другие формы протеста в стране, где реализуется сопротивление.

Проследить оправдание сопротивления возможно у авторов конституционных документов. Так, Конституция Конго упоминает в числе главных забот, которые доминируют в организации государственных институтов, «сопротивление всякой попытке диктаторского управления». Отдельно упоминается право не выполнять незаконные приказания, посягающие на права и свободы других людей (ст. 28), что является пассивной формой сопротивления. Ключевой нормой является положение, что каждый гражданин «обязан давать отпор любому лицу или группе лиц, которые захватывают власть или осуществляют ее» с нарушением положений Конституции (ст. 64) [27].

Позитивацию права на сопротивление можно также обнаружить в основных законах Уганды, Мали, Бенина.

Эмпирический анализ

Теоретические конструкции, отраженные в учениях китайских, исламских и африканских исследователей, нашли свое отражение в ряде национальных нормативных актов и междуна-



родных документов, указанных выше. Следует констатировать, что позитивация философских и религиозных идей о праве на сопротивление угнетению оказалась весьма узконаправленной. Авторы законов и других документов исходят из признания анализируемого права как достижения человечества или конкретного народа, характеризуют право на сопротивление как фактор сдерживания аппарата публичной власти. При этом отсутствуют исчерпывающие и юридически определенные критерии легитимации индивидуального сопротивления и народного восстания, не закрепляется механизм реализации указанного права. На наш взгляд, это объясняется весьма ограниченным набором средств юридической техники, которые не позволяют позитивировать «идеальную» идею о праве на сопротивление угнетению. При этом формы сопротивления настолько разнообразны, а политическая реальность всегда непредсказуема, что найти исчерпывающий вариант для характеристики в законах и иных актах механизма реализации анализируемого права не представляется возможным.

Вместе с тем анализ восточной политико-правовой и религиозной мысли позволяет более четко сформулировать критерии легитимации индивидуального и народного сопротивления в нормативных документах, что является задачей для следующего научного исследования по этому вопросу.

Результаты

Восточная политико-правовая мысль не ограничивается китайскими, исламскими и современными африканскими учениями. В настоящем исследовании мы не искали цели всеобъемлюще охватить весь спектр мнений, посвященных праву на сопротивление угнетению. Нашей задачей было проследить развитие идеи *ius resistendi* на примере учений ярких представителей своей эпохи, культуры и показать самостоятельность китайской и исламской мысли, доминирующих в восточных учениях. В свою очередь, нам не удалось найти подтверждения того, что представители политико-правовой мысли стран Африки внесли значимый вклад в формирование идеи права на сопротивление угнетению, хотя некоторые новаторские мнения и были представлены. Во многом такие следствия объясняются историческим контекстом.

Несомненно, следует говорить о ценном вкладе восточных философов, правоведов и религиозных деятельности в развитие идеи о праве на сопротивление угнетению. Иссле-

дователи определили сущность указанного права, его цель, некоторые критерии легитимации народных восстаний и последствия для политической действительности. Восточная политико-правовая и религиозная мысль самостоятельна и самодостаточна в части развития идеи *ius resistendi*. Многие положения, сформулированные китайскими и исламскими исследователями, нашли отражение в актах позитивного права.

Список литературы

1. Иванов Н. Д. Право на сопротивление угнетению, право на восстание, право на революцию : соотношение понятий // Российское и зарубежное законодательство : современное состояние и перспективы развития : сборник материалов VI Международной студенческой научной конференции : в 2 ч. Ч. 1. Вологда : Фонд развития филиала МГЮА имени О. Е. Кутафина в г. Вологде, 2018. С. 341–343.
2. Иванов Н. Д. Эволюция права на сопротивление угнетению в классической западной правовой традиции // Глас права. 2019. № 2. С. 210–214.
3. Mozi : Bilingual Edition, English and Chinese / translated by W. P. Mei. 2016. URL: <https://ctext.org/mozi/will-of-heaven-iii> (дата обращения: 10.10.2020).
4. Pines Y. To Rebel is Justified? The Image of Zhouxin and the Legitimacy of Rebellion in the Chinese Political Tradition // *Oriens Extremus*. 2008. Vol. 47. P. 1–24.
5. Perry E. J. Chinese Conceptions of “Rights” : From Mencius to Mao – and Now // *Perspectives on Politics*. 2008. Vol. 6, iss. 1. P. 37–50. <https://doi.org/10.1017/S1537592708080055>
6. Мэн Кэ. Мэн-цзы. СПб. : Петербургское востоковедение, 1999. 272 с.
7. Цзюй Х. Культ неба в социально-политической традиции // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 14А. С. 70–72.
8. Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы Шу») / отв. ред. Л. С. Переломов. М. : Восточная литература, 2004. 432 с.
9. Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. Т. 2 / под ред. М. Л. Титаренко [и др.]. М. : Восточная литература, 2007. 869 с.
10. *Alghofaili F.* Insurrection : The Right to Rebel from an Islamic Perspective. URL : https://www.academia.edu/28219987/Insurrection_The_Right_to_Rebel_from_an_Islamic_Perspective_Fahd_Alghofaili (дата обращения: 10.10.2020).
11. Коран. Перевод смысла аятов и их краткое толкование / пер. А. Адель. Махачкала : НИКМА, 2008. 654 с.
12. The Translation of the Meanings of Sahih Al-Bukhari : Arabic-English (Vol. 9) / transl. by M. M. Khan. Houston : Dar-us-Salam Publications, 1997. 4050 p.



13. *Khaled Abou El Fadl. Rebellion and Violence in Islamic Law.* Cambridge : Cambridge University Press, 2001. 404 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511560163>
14. *The Sea of Precious Virtues : Bahr Alfava'id : A Medieval Islamic Mirror for Princes / ed. J. S. Meisami.* Salt Lake City : University of Utah, 1991. 448 p.
15. Иванов Н. Д. Право на сопротивление угнетению : теоретико-правовой аспект // Неделя науки СПбПУ : сб. материалов науч. конф. с междунар. участием. СПб : Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2019. С. 44–47.
16. Всеобщая исламская декларация прав человека 1981 г. URL : http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/16/declaracia-01.htm (дата обращения: 10.10.2020).
17. Каирская декларация о правах человека в исламе 1990 г. URL : http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/16/declaracia-02.htm (дата обращения: 10.10.2020).
18. Конституция Ирана // Конституции государств (стран) мира : Библиотека конституций Пашкова Романа. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=83> (дата обращения: 10.10.2020).
19. Конституция Алжира // Конституции государств (стран) мира : Библиотека конституций Пашкова Романа. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=53> (дата обращения: 10.10.2020).
20. *Abdulaziz S. Justification for Violence in Islam : V. The Law of Rebellion // Journal of Lutheran Ethics.* 2003. Vol. 3, iss. 2. URL: <https://www.elca.org/JLE/Articles/887> (дата обращения: 10.10.2020).
21. *Cheru F. E. Democracy and People Power in Africa : Still searching for the 'political kingdom' // Third World Quarterly.* 2012. Vol. 33, iss. 2. P. 265–291.
22. *Okafor O. C., Ugochukwu B. E. Inventing Legal Combat Pro-Poor 'Struggles' in the Human Rights Jurisprudence of the Nigerian Appellate Courts, 1999–2011 // African Journal of Legal Studies.* 2014. Vol. 7. P. 430–456.
23. *Unbundling Liberal Democracy : Institutions, Participation and Accountability / ed. by S. Adejumbi. L. : Routledge,* 2017. 240 p.
24. Африканская хартия прав человека и народов 1981 г. // Университет Миннесоты. Библиотека по правам человека. URL : <http://hrlibrary.umn.edu/russian/instree/Rz1afchar.html> (дата обращения: 10.10.2020).
25. *Manirakiza P. Towards a Right to Resist Gross Undemocratic Practices in Africa // Journal of African Law.* 2019. Vol. 63. P. 81–105. <https://doi.org/10.1017/S0021855319000020>
26. African Charter on Democracy, Elections and Governance // African Union : [site]. URL: <https://au.int/en/treaties/african-charter-democracy-elections-and-governance> (дата обращения: 10.10.2020).
27. Конституция Конго // Конституции государств (стран) мира : Библиотека конституций Пашкова Романа. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=215> (дата обращения: 10.10.2020).

References

1. Ivanov N. D. The right of resistance to oppression, the right of rebellion, the right of revolution: The correlation of concepts. *Rossiiskoe i zarubezhnoe zakonodatel'stvo: sovremennoe sostoianie i perspektivy razvitiia* [Russian and foreign legislation: Current state and development prospects. Collection of materials of the VI International Student Scientific Conference: in 2 pt. Pt. 1]. Vologda, Fond razvitiya filiala MGYUA imeni O. Ye. Kutafina v g. Vologde, 2018, pp. 341–343 (in Russian).
2. Ivanov, N. D. Evolution of the Right of Resistance to Oppression in the Classical Western Legal Tradition. *Glas Prava*, 2019, no. 2, pp. 210–214 (in Russian).
3. *Mozi: Bilingual Edition, English and Chinese / translated by W. P. Mei.* 2016. Available at: <https://ctext.org/mozi/will-of-heaven-iii> (accessed 10 October 2020).
4. Pines Y. To Rebel is Justified? The Image of Zhouxin and the Legitimacy of Rebellion in the Chinese Political Tradition. *Oriens Extremus*, 2008, vol. 47, pp. 1–24.
5. Perry E. J. Chinese Conceptions of “Rights”: From Mencius to Mao – and Now. *Perspectives on Politics*, 2008, vol. 6, iss. 1, pp. 37–50. <https://doi.org/10.1017/S1537592708080055>
6. Men Ke. *Men-tszy.* St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 1999. 272 p. (in Russian).
7. Hac Tszyu. Cult of the Sky in Social and Political Tradition of China. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Buryat State University Bulletin], 2012, no. 14A, pp. 70–72 (in Russian).
8. *Konfutsianskoe «Chetveroknizhie» («Sy Shu»)* [L. S. Perelomov (ed.) Confucian “Four Books” (“Sy Shu”). Moscow, Vostochnaia literature Publ., 2004. 432 p. (in Russian).
9. *Dukhovnaia kul'tura Kitaia: entsiklopediia* [M. L. Titarenko et al. (eds.) Spiritual Culture of China: An Encyclopedia: in 5 vols. Vol. 2]. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2007. 869 p. (in Russian).
10. Alghofaili F. *Insurrection: The Right to Rebel from an Islamic Perspective.* Available at: https://www.academia.edu/28219987/Insurrection_The_Right_to_Rebel_from_an_Islamic_Perspective_Fahd_Alghofaili (accessed 10 October 2020).
11. *Koran. Perevod smysla aiatov i ikh kratkoe tolkovanie* [Translation of the meaning of the ayahs and their brief interpretation. Transl. by A. Adel']. Makhachkala, HIKMA, 2008. 654 p. (in Russian).
12. *The Translation of the Meanings of Sahih Al-Bukhari: Arabic-English (Vol. 9).* Transl. by M. M. Khan. Houston, Dar-us-Salam Publications, 1997. 4050 p.
13. *Khaled Abou El Fadl. Rebellion and Violence in Islamic Law.* Cambridge, Cambridge University Press, 2001. 404 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511560163>
14. J. S. Meisami (ed.) *The Sea of Precious Virtues: Bahr Alfava'id: A Medieval Islamic Mirror for Princes.* Salt Lake City, University of Utah, 1991. 448 p.



15. Ivanov N. D. The right of resistance to oppression: theoretical and legal aspects. In: *Nedelia nauki SPbPU: sbornik materialov nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [SPbPU Science Week: collection of articles of the scientific conference with international participation]. St Petersburg, Sankt-Peterburgskiy politekhnicheskiiy universitet Petra Velikogo, 2019, pp. 44–47 (in Russia).
16. *Vseobschaia islamskaia deklaratsiya prav cheloveka 1981 g.* (1981 Universal Islamic Declaration of Human Rights). Available at: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/16/declaracia-01.htm (accessed 10 October 2020) (in Russia).
17. *Kairskaia deklaratsiya o pravakh cheloveka v islame 1990 g.* (1990 Cairo Declaration on Human Rights in Islam). Available at: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/16/declaracia-02.htm (accessed 10 October 2020) (in Russia).
18. Constitution of Iran. *Konstitutsii gosudarstv (stran) mira: Biblioteka konstitutsiy Pashkova Romana* (Constitutions of states (countries) of the world: Library of constitutions by Roman Pashkov). Available at: <https://worldconstitutions.ru/?p=83> (accessed 10 October 2020) (in Russia).
19. Constitution of Algeria. *Konstitutsii gosudarstv (stran) mira: Biblioteka konstitutsiy Pashkova Romana* (Constitutions of states (countries) of the world: Library of constitutions by Roman Pashkov). Available at: <https://worldconstitutions.ru/?p=53> (accessed 10 October 2020) (in Russia).
20. Abdulaziz S. Justification for Violence in Islam: V. The Law of Rebellion. *Journal of Lutheran Ethics*, 2003, vol. 3, iss. 2. Available at: <https://www.elca.org/JLE/Articles/887> (accessed 10 October 2020).
21. Cheru F. E. Democracy and People Power in Africa: Still searching for the ‘political kingdom’. *Third World Quarterly*, 2012, vol. 33, iss. 2, pp. 265–291.
22. Okafor O. C., Ugochukwu B. E. Inventing Legal Combat: Pro-Poor ‘Struggles’ in the Human Rights Jurisprudence of the Nigerian Appellate Courts, 1999–2011. *African Journal of Legal Studies*, 2014, vol. 7, pp. 430–456.
23. S. Adejumbi (ed.) *Unbundling Liberal Democracy: Institutions, Participation and Accountability*. London, Routledge, 2017. 240 p.
24. 1981 African Charter on Human and Peoples’ Rights. *Universitet Minnesoty. Biblioteka po pravamcheloveka* (University of Minnesota. Human Rights Library). Available at: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/instree/Rz1afchar.html> (accessed 10 October 2020) (in Russia).
25. Manirakiza P. Towards a Right to Resist Gross Undemocratic Practices in Africa. *Journal of African Law*, 2019, vol. 63, pp. 81–105. <https://doi.org/10.1017/S0021855319000020>
26. African Charter on Democracy, Elections and Governance. *African Union. Site*. Available at: <https://au.int/en/treaties/african-charter-democracy-elections-and-governance> (accessed 10 October 2020).
27. Congo Constitution. *Konstitutsii gosudarstv (stran) mira: Biblioteka konstitutsiy Pashkova Romana* (Constitutions of states (countries) of the world: Library of constitutions by Roman Pashkov). Available at: <https://worldconstitutions.ru/?p=215> (accessed 10 October 2020) (in Russia).

Поступила в редакцию 15.10.2020, после рецензирования 25.11.2020, принята к публикации 25.12.2020
Received 15.10.2020, revised 25.11.2020, accepted 25.12.2020